

Гу Шу тихо-тихо лежал. После наступления беременности он забросил привычку спать на спине и теперь обычно лежал на боку. Успокоившись, Гу Шу быстро погрузился в сон — срок уже был большой, а из-за болезни и пережитой за ночь суматохи он выбился из сил.

У Нянь видела, что Глава секты ничего не сказал, и охотно промолчала о том, что Люлюлю уже всё убрал, решив просто делать вид, будто ничего и не было. На восстановление сил у Гу Шу ушло три дня, и наконец его болезнь отступила.

В первый же день, как Гу Шу выздоровел, Глава секты велел ему заново замотать живот тканью, чтобы показать результат.

— Разве ты не мастер пеленать?

Гу Шу принял ткань, погладил живот, а затем стал постепенно затягивать её. Глава секты наблюдал, как на животе Гу Шу проступили отпечатки маленьких стоп, которые тут же сдавила стягивающая ткань, а лицо Гу Шу постепенно побледнело...

— Ладно, не надо пеленать.

Глава секты всё же сжалился, обнял Гу Цзыня и погладил его по спине — это был успокаивающий жест.

Гу Цзыня чувствовал, что уже почти готов появиться на свет. Слушать целыми днями всякие непотребные звуки ему было тяжело, так что лучше родиться скорее.

Гу Шу еще до этого чувствовал, что в последние дни ребёнок ворочается слишком бурно, да и срок, судя по всему, уже подходил к концу.

По словам лекаря, малыш уже опустился в таз, а продолжение супружеских утех изо дня в день могло спровоцировать преждевременные роды, но ребенок уже почти полностью развился, так что появиться на свет на несколько дней раньше было вполне допустимо.

Поэтому последние два дня в его сердце смешивались предвкушение и тревога. Говорили, что рожать довольно больно, но стоило ему вспомнить мягкий и нежный вид малыша, как его сердце тотчас таяло.

— Что такое? — Глава секты поцеловал уголок глаза Гу Шу.

— Малыш сильно толкается, пожалуй, это случится со дня на день, — тихо произнес Гу Шу, а затем добавил: — Я так жду этого.

Глава секты посмотрел на Гу Шу, который за последнее время немного прибавил в весе и

округлился, и, уголками губ тронув улыбку, промолвил:

— Ждешь? Что ж, тогда давай сегодня же и произведем ребенка на свет.

Он огладил огромный, почти доношенный живот Гу Шу и, глядя на озорные пинки малыша, вновь предался с Гу Шу бурным ласкам.

Слушая прерывистое дыхание Гу Шу и звуки их сливающихся тел, он испытывал всё большее удовлетворение.

Раз уж в сердце поселилось чувство удовлетворения, можно пока оставить Гу Шу здесь — по крайней мере, до тех пор, пока он ему не надоест, а там будет видно.

Поняв, что момент настал, Гу Цзыянь прямо в тот момент, когда на Главу секты накатила новая волна экстаза, изо всех сил пихнул маму ножкой и устремился головой вниз.

— Ах... больно, я рожая...

Гу Шу плакал от боли, вцепившись пальцами в простыню. Увидев, что выражение лица Гу Шу изменилось, Глава секты отстранился, накинул верхнюю одежду и велел позвать повитуху.

Эту повитуху лекарские поймали три дня назад, как только обнаружили, что ребенок Гу Шу опустился в таз.

Лекарь прямо заявил: у каждого свое ремесло, и каким бы великим мастером он ни был, принимать роды он не собирался, к тому же никогда раньше этим не занимался.

Повитуха давно уже всё подготовила, ожидая начала родов у Гу Шу. Она поспешно приказала вскипятить воды, после чего примчалась со всеми необходимыми для родов принадлежностями.

Глава секты не стал удаляться — ему доводилось видывать зрелища и кровопивение, а повитуха и вовсе не смела его выгонять, смертельно боясь вызвать его недовольство.

Видя, как сильно мучается Гу Шу, повитуха поспешно проверила раскрытие: шейка матки открылась на шесть пальцев, воды еще не отошли, родовой процесс только начинался.

Повитуха подсказала:

— Роды в сидячем положении могут значительно предотвратить затяжные роды, а также уменьшить боль. Роженице необходимо сидеть прямо, а помощникам — поддерживать за бока и

поясницу.

Услышав это, Гу Шу с трудом сменил позу. Живот выдавался вперед, сзади его кто-то поддерживал. Гу Шу спросил:

— И что дальше?

— Теперь просто дышите в такт схваткам, экономьте силы. Вода подспела, я сейчас расширю вам родовые пути горячим полотенцем, возможно, появится ощущение инородного тела — потерпите.

— Предлежание у ребенка правильное, боюсь, воды отойдут очень скоро. Как только они отойдут, сможете как следует тужиться.

Повитуха присела на корточки, смочила чистую полотенце в горячей воде, отжала и ввела в родовые пути. От обжигающе горячего полотенца шейка матки раскрылась еще на пару сантиметров, и тут Гу Шу дрожащим голосом произнес:

— Кажется, оттуда что-то течет.

Услышав это, повитуха испугалась, что это околоплодные воды, и вынула полотенце.

Стоило убрать преграду в виде полотенца, как наружу хлынула бесцветная, прозрачная жидкость, похожая на чистую воду, в которой примешивались алые прожилки.

— Отошли воды! Господин может тужиться! Просто тужьтесь изо всех сил.

— ...М-м...

Гу Шу закусил губу, во рту отчетливо запахло железом.

Но боль в теле была настолько сильной, что всё его внимание сосредоточилось на животе, и он даже не сразу осознал, что до крови прокусил губу.

Внизу что-то застряло, вызывая невыносимый дискомфорт. Зная, что нужно продолжать тужиться, он приложил еще несколько усилий, пока наконец не почувствовал, что ребенок немного продвинулся вперед.

— Господин, головка показалась, еще одно усилие, и всё быстро закончится.

И действительно, с новым потугом до его слуха донесся тоненький детский плач. И хотя сам он

смертельно устал, ребенок родился довольно быстро, так что у него еще оставались силы держаться. Повитуха взяла ножницы и перерезала пуповину младенца. Его испачканное кровью тельце опустили в воду, чтобы обмыть, и тут Гу Шу услышал слова повитухи:

— Родился юноша! Каким же послушным он был во чреве матери, совсем не доставлял хлопот.

Слушая это, Гу Шу гордился всем сердцем: его ребёнок всегда был таким послушным.

Глава секты молча наблюдал за происходящим, пока ему в руки не сунули свёрток из красной ткани с маленьким мальчиком внутри. Малыш смотрел на него широко открытыми глазами, словно маленький ангелочек.

Глава секты немного растерялся: от этого мягкого и беспомощного существа он даже не знал, куда девать руки.

К счастью, в этот момент подал голос Гу Шу, и глава секты тут же переложил ребёнка ему на руки.

Гу Шу осторожно прижал малыша к груди и произмолвил:

— И впрямь мальчик. Я так и знал, что у нас родится сын.

Его трепетный вид был таким, будто ребёнок — это весь его мир, и, обнимая его, он держал в руках всю свою вселенную. Глаза Гу Шу лучились нежностью, озаряясь сиянием материнской любви.

.....

Долго не появлявшийся Люлюлю наконец объявился и извлек Гу Сюя из младенческого тела.

Душа настоящего ребёнка вернулась в свое тело. Духовное воплощение Гу Сюя попрощалось с малышом, после чего Люлюлю радостно произнес:

— Я почувствовал, что ты выполнил это задание и вернулся. Ну надо же, Гу Сюй, ты просто молодец!

— Хватит болтать, лучше займись собственным восстановлением.

— Угу-угу, у нас ведь осталось еще двести Баллов!

Починив Систему, Гу Сюй тоже тихонько усмехнулся.

Небольшая бонусная история о маленьком пухленьком комочке.

Сына Гу Шу отнесли в соседнюю комнату, где о нем заботилась У Нян.

Глава секты заявил, что каждая частичка тела Гу Шу принадлежит ему, и даже грудным молоком может наслаждаться только он один.

Старший сын носил фамилию Гу Шу. Что же касается имени, Гу Шу долго ломал над ним голову — в конце концов, это имя дается на всю жизнь, и подойти к выбору нужно было со всей ответственностью.

Видя, как сильно тот мучается, глава секты разрубил гордиев узел и предложил назвать мальчика Гу Сюй, пояснив, что иероглиф Сюй состоит из ключа речь и фонетика полдень.

В этом имени таился глубокий смысл признания: этот ребёнок рожден по моему обещанию тебе, как тебе такое?

Гу Шу, разумеется, не стал возражать и лишь счастливо повторял, что имя прекрасное.

Наступило лето, и пышущий жарой воздух кружил голову. Гу Шу не слишком любил выходить на улицу и предпочитал целыми днями сидеть взаперти. Помимо непрекращающейся бурной жизни с главой секты — как в постели, так и за ее пределами — больше всего на свете он любил наблюдать за своим сыном.

В этот день в полдень, пообедав, он отправился в детскую комнату и велел У Нян выйти. Оставшись наедине со спящим сыном, Гу Шу с умилением смотрел на него: крошечный пухлый комочек уже избавился от младенческих морщинок, и его мягкий вид был столь очарователен, что Гу Шу, не удержавшись, протянул руки, взял малыша и переложил на большую кровать. Гу Шу поел, и его тело расслабило от вялости. Летний зной и без того стоял удушливым и тяжёлым. Привалившись к боку их пухленького и нежного сына, он смотрел на него полным нежности взглядом.

От Гу Шу исходил густой молочный аромат, а черты его лица смягчились и излучали тепло. С тех пор как он стал отцом, в нём появилась совершенно особенная, трогательная привлекательность — и Глава секты ощущал это всё острее.

Глава секты никогда не воздерживался. Даже во время восстановления Гу Шу он просто переключился на другие ласки. Попробовав материнского молока, которое Гу Шу вырабатывал три месяца подряд, Глава секты страстно пристрастился к этому вкусу.

Разобравшись со всеми делами в Демоническом культе, Глава секты вернулся в свои покои. Не обнаружив там Гу Шу, он даже бровью не повёл.

Куда ещё мог отправиться Гу Шу? Раз его не было в собственных покоях, значит, он наверняка отправился проводить сына. А потому бравый Глава секты царственно переставил свои благородные ноги и направился во двор к Гу Сюю.

Гу Шу спал полусонным забытием и даже не сразу понял, когда Глава секты подошёл к нему.

Лаская мягкий, податливый живот Гу Шу, Глава секты отметил, что фигура того уже не была такой безупречной, как прежде, а на коже залегли пугающие растяжки, зато на ощупь она была донельзя нежной и мягкой.

Глава секты одним движением перевернулся и оседлал Гу Шу, его руки принялись бесцеремонно шарить повсюду. Гу Шу, сладко спавший до этого, испугался такого поступка и приоткрыл глаза. Не до конца проснувшись, он затуманился влажной дымкой, но, заметив столь нетерпеливого Главу секты, чуть выгнул спину, а руки его совершенно естественным образом легли тому на плечи.

Увидев это, Глава секты едва заметно улыбнулся, слегка тронув губы, и произнес:

— Пожалуй, пришло время тебе родить для меня ребёнка! Наш Демонический культ так ждёт увидеть, каким же окажется малыш с кровью Главы секты!

Гу Шу широко раскрыл глаза и, ощутив происходящее внизу, издал еле слышный стон.

— Только не здесь, мы же в детской, это не совсем прилично. Вернемся в покои Главы секты, и делай там всё, что пожелаешь, хорошо?

— Ничего страшного, кормилица уже увела ребёнка на прогулку, так что предрассудки здесь неуместны. Просто наслаждайся и постарайся родить крепкого, сильного малыша.

— С чего это Глава секты вдруг захотел ребёнка так быстро? — сбивчиво проговорил Гу Шу.

— Моё любимое материнское молоко никак нельзя прерывать, — ответил Глава секты, отчего лицо Гу Шу слегка покраснело.

Время пролетело незаметно: фраза о том, что стрелы света летят быстрее годов, никогда не была пустой метафорой. В мгновение ока лето миновало, и Гу Шу, как и желал Глава секты, снова забеременел. Гу Сюй уже подрос, ему исполнилось восемь месяцев. Живот Гу Шу на четвёртом месяце тоже слегка округлился: хотя это ещё не бросалось в глаза, его прежде мягкий живот уже заметно натянулся.

Ребёнок доставлял много хлопот, и те килограммы, которые глава секты с таким трудом помог Гу Шу набрать, сошли на нет. Глядя на то, как Гу Шу не может проглотить ни кусочка, глава секты, редко проявлявший сострадание, сжалился над ним и больше не изводил его в постели.

К тому же, чтобы успокоить Гу Шу, глава секты забрал малыша к себе в дворик.

Возможно, у главы секты была на редкость хорошая генетика, но уже на четвёртом месяце Гу Шу смог почувствовать шевеление плода. Это урчащее ощущение, исходившее из глубин живота, заставляло лицо Гу Шу сиять от счастья.

Когда он рассказал об этом главе секты, тот даже немного удивился и принялся вовсю расхваливать собственную отличную наследственность.

Восьмимесячный Гу Сюй рос невероятно красивым — казалось, он впитал в себя самые лучшие черты Гу Шу. Внимательно разглядев сына, глава секты заметил в нём некоторое сходство с Лю Цзыанем, но совсем незначительное.

Нрав главы секты стал намного мягче. К Лю Цзыаню он тоже не стал придирается: наградил его полезными вещами, пожаловал ему ещё одну наложницу-красавицу и заодно возвысил до должности управляющего филиалом.

Лю Цзыань видел Гу Сюя один-единственный раз, когда тому исполнился месяц, и больше с тех пор не встречался с ним. Он и сам не мог толком понять свои чувства. Он знал, что этот маленький господин, которого шумно и радостно приветствовал весь Демонический культ, — его плоть и кровь.

Но он также понимал, что особой привязанности к Гу Шу у него не было. И всё же этот малыш был его первенцем: пусть его появление на свет и не планировалось, но теперь ребёнок жил, крепкий на зависть многим, да к тому же вышел просто фарфорово-кукольным, невероятно прелестным.

В сердце Лю Цзыаня ни с того ни с сего пробудились отцовские чувства.

Вернувшись домой и глядя на подаренную главой секты наложницу, он даже подумал о том, чтобы завести ребёнка и с ней.

Сейчас эта наложница была уже на третьем месяце беременности.

.....

Погода похолодала. Поздней ночью до Гу Шу дошла весть, что его сокровище тяжело заболело и сильно занемогло: выплакавшись вволю, ребёнок заснул, изредка всхлипывая во сне.

Они уже позвали лекаря, и тот выписал рецепт — лекарство как раз варилось на огне. Нянька заметила, что в комнате всё ещё горит свеча, и, зная, что хозяин ещё не ложился, специально пришла сообщить об этом.

Дети — истинные сокровища родителей, и стоило няньке произнести это вслух, как Гу Шу тут же набросил на плечи пальто. Шаги его казались слабыми и шаткими, со стороны было очевидно, что он только что занимался чем-то неподобающим. Нянька предпочла потупить взгляд и молча последовала за спешащим Гу Шу в комнату.

Глава секты как раз собрался с инспекцией в земли Цзяннаня и велел слугам подготовить всё необходимое, а сам незадолго до этого ходил на задний двор поупражняться в боевых искусствах, поэтому ничего не знал о случившемся.

Когда же он узнал, то застал Гу Шу держащим Гу Сюя: кончики ушей у Гу Шу покраснели, а на

лице читалось беспокойство.

— Малыш долго плакал, когда пил лекарство, наверное, оно было слишком горьким. Мне так больно смотреть на него.

— Ничего страшного, это всего незаметная лихорадка, не стоит так волноваться, — глава секты немного утешил его, и только увидев на лице Гу Шу улыбку, успокоился.

Он сам растил Гу Сюя на глазах, так что отрицать привязанность было бессмысленно, и глава секты позволил своему сердцу чувствовать так, как оно чувствовало.

Испытывать беспокойство, внезапно радоваться мелочам — на самом деле это было прекрасно.

Гу Суй рос всё краше, обладал безупречными манерами и красноречием. Сразу после обряда совершеннолетия в восемь лет глава секты выгнал его из Демонического культа, велел самостоятельно познать все тяготы и прелести человеческой жизни.

У Гу Сяна был лишь один младший брат по имени Янь Линь. Узнав, что старший брат собирается в путь, Янь Линь тут же доложил обо всём отцу и папе и бросился догонять уходящего брата.

Нельзя же было считать его глупцом: раз его брат такой замечательный человек, то стоило ему спуститься с гор, как вокруг него в ту же секунду набежала бы целая туча легкомысленных поклонников, верно?

37. Глава первая. Очки веры меняют мир

— Без меня в его теле Гу Шу в конце концов не вынесет требований главы секты. Люлюлю, сделай ему какой-нибудь конвертирующий прибор.

— Хорошо! М-м, сейчас у нас осталось 100 баллов, Гу Суй, посмотри, нужно ли тебе ещё что-нибудь?

Люлюлю вновь обрело прежнюю бодрость духа: впереди их ждало только лучшее.

— Сначала расскажи мне про следующее задание, а я уже решу, что взять.

Гу Суй чинно восседал в пространстве Системы, устроенном наподобие обычной гостиной.

— Ты же знаешь, Гу Шу, мы потеряли слишком многое, так что выбор у нас небольшой. Хотя Систему и починили, ты, наверное, уже заметил, что баллы тратятся очень быстро. Раньше я был Системой третьего уровня, а теперь понизился в классе, и вещи стали дороже, чем раньше. На этот раз у задания нет создателя, оно похоже на предыдущее: и место, и содержание выбираются случайно, но на этот раз я буду с тобой, тебе не придётся сражаться в одиночку!

— Значит, ты узнаешь задание, только когда мы прибудем на место, и сможешь сообщить мне о нём тогда же? Тогда давай пока ничего не выбирать, просто отправляемся.

Когда Гу Суй снова пришёл в себя, он понял, что отвечает на телефонный звонок.

— Приходи на работу послезавтра в девять. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что тебя приняли. Пару дней за тобой будет присматривать наставник, всего пару дней, так что тебе придется привыкать очень быстро. У тебя есть ещё вопросы?

Гу Суй ещё не успел сориентироваться, поэтому мог лишь рассеянно ответить, что вопросов нет.

Услышав это, собеседник на том конце провода мгновенно повесил трубку. Такая скорость сброса вызова в сочетании с бурной и стремительной речью заставили Гу Сую мысленно подивиться: до чего же занятым человеком нужно быть!

Гу Суй сунул телефон в карман и был вынужден признать: после стольких лет вдали от современного мира он какое-то время чувствовал себя потерянным.

Появилось Люлюлю и с большим энтузиазмом изложило суть задания в этом мире.

— Задание на этот раз — собрать очки веры, 0/500,000 из 5,000,000. Ну и, конечно же, родить ребёнка, выбираешь любого и рождаешь, на этом всё, больше ничего не требуется.

— Очки веры? — озадаченно переспросил Гу Суй.

Видя замешательство Гу Сую, Люлюлю с гордостью пояснило:

— Посмотри на божеств: им нужны очки веры, чтобы становиться всё могущественнее. Очки веры появляются тогда, когда разумные существа кем-то или чем-то невероятно восхищаются, фанатично обожают и следуют за ним.

— Из всех сил, подвластных человеку, сила веры — самая поразительная. В Евангелии сказано, что она способна двигать горы и осушать моря (Гюстав Лебон — Психология народов и масс).

Гу Суй мысленно кивнул, а затем окинул взглядом скромную спальню с полутораметровой кроватью.

Справа от кровати стояла напольная вешалка в европейском стиле, на которой висела вся одежда прежнего хозяина. На полутораметровой перекладине уместилось больше полусотни плечиков.

Все вещи были тщательно отобраны прежним владельцем и представляли собой базовые модели — те самые, которые не выходят из моды годами. И это была вовсе не дешёвая одежда с уличного рынка: материал наощупь казался превосходным, а носить такие вещи было очень удобно.

И весной, и летом, и осенью, и зимой прежний хозяин носил именно эту одежду.

Родители прежнего владельца были прекрасными людьми — простыми, честными и работающими тружениками, которые вели дела основательно и крепко стояли на ногах. Они держали фруктовую лавку, приносящую триста тысяч чистой прибыли в год, что для города третьего эшелона было весьма неплохо.

На самом деле жизнь семьи могла бы сложиться ещё лучше, но несколько лет назад отца прежнего хозяина обманул друг. Впрочем, теперь их дела понемногу шли в гору, и это радовало.

Прежнему хозяину не хотелось засиживаться в провинциальном городке и вместе с родителями торговать фруктами, поэтому после окончания университета он отправился на заработки в столицу. Ему было двадцать шесть лет, и это была уже третья его работа, найденная по принципу: меняешь отрасль, но не профессию, меняешь профессию, но не

отрасль.

Жизнь в столице давалась тяжело, но он не хотел после университета сидеть на шее у родителей. Медленно, своими силами пытаюсь закрепиться в этом городе, он уже чувствовал себя вполне довольным жизнью.

Бегло просмотрев воспоминания прежнего владельца, Гу Сюй мысленно цыкнул языком:

— И зачем только нужно было занимать его тело? Жизнь этого паренька шла бы своим чередом, и всё было бы вполне неплохо.

— Да у прежнего хозяина обнаружился рак желудка, жить ему оставалось всего три года, вот он и хотел оставить родителям потомство. Но сам он быть мужчиной в постели не мог, так что...

— Гу Цзыянь, я потерял ключи, одолжишь ключи от входной двери? Я пойду сделаю дубликат, быстро вернусь. На самом деле я бы не стал так спешить...

Дверь была приоткрыта, и кто-то толкнул её без стука. Увидев, что Гу Цзыянь стоит в одних трусах, вошедший на секунду замер, а в следующий момент произнес:

— В следующий раз обязательно постучу, я не знал, что ты собираешься спать так рано.

Гу Сюй, ставший теперь Гу Цзыянем, прищурился, и его и без того некрупные глаза превратились в узкие щелочки. Вошедшим оказался крепкий, мускулистый мужчина с волевыми чертами лица и стальным телосложением.

Оба были вечно заняты, и хотя они делили квартиру уже два месяца, их отношения не шли дальше дежурных приветствий и коротких разговоров при встрече.

Арендная плата за квартиру в этом районе составляла шесть тысяч в месяц. В ней было две спальни, гостиная, ванная и кухня. Когда они въезжали, Лю Цзыцзэ уже занял главную спальню с маленьким балконом.

Арендную плату они делили пополам, однако Лю Цзыцзэ двадцать дней в месяц пропадал неизвестно где, а дома бывал от силы дней десять.

Лю Цзыцзэ работал фитнес-тренером и одновременно вел онлайн-занятия в каком-то приложении для любителей спорта.

Сейчас было семь часов вечера — действительно, мало кто ложился спать так рано. Просто у Гу Цзыяня была такая привычка: с наступлением лета, стоило ему оказаться дома, он любил раздеваться, так как это давало ему ощущение особого комфорта.

Он вовсе не собирался ложиться спать так рано, ему просто нравилось погружаться в это ощущение уюта как можно раньше.

В конце концов, оба они были мужчинами, и смотреть было не на что.

Лю Цзыцзэ бегло окинул взглядом обстановку в комнате. Он знал, что тот, кто жил перед ним, изрядно повозился с обустройством, когда только въехал, но сам он ни разу не заходил в эту комнату после вселения соседа, а потому понятия не имел, как она выглядит теперь.

Когда он сам въезжал в квартиру, то осмотрел обе комнаты, но, насколько помнилось его

памяти, раньше эта спальня выглядела совсем не так просто и уютно.

<http://bllate.org/book/22156/2307893>